





Аракчеев А. А. (1769—1834)

В жизни моей я руководствовался одними правилами — никогда не рассуждал по службе и исполнял приказания буквально, посвящая все время и силы мои службе царской. Знаю, что меня многие не любят, потому что я крут, да что делать? Таким меня Бог создал.

А. А. Аракчеев



Алексей Андреевич
Аракчеев

«БЕЗ ЛЕСТИ ПРЕДАН»

Военный министр
Российской империи
в трудах и воспоминаниях

Иллюстрированное издание



МОСКВА
2016

УДК 947.06
ББК 63.3(2)471
А79

Состав, подготовка текста, современная версия — *С. Бебс*
Дизайн серии — *И. Осипов*
Оформление обложки — *А. Сергиенко*

Аракчеев, Алексей Андреевич.

А79 «Без лести предан». Военный министр Российской империи в трудах и воспоминаниях. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 608 с. : ил. — (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).

ISBN 978-5-699-85911-5

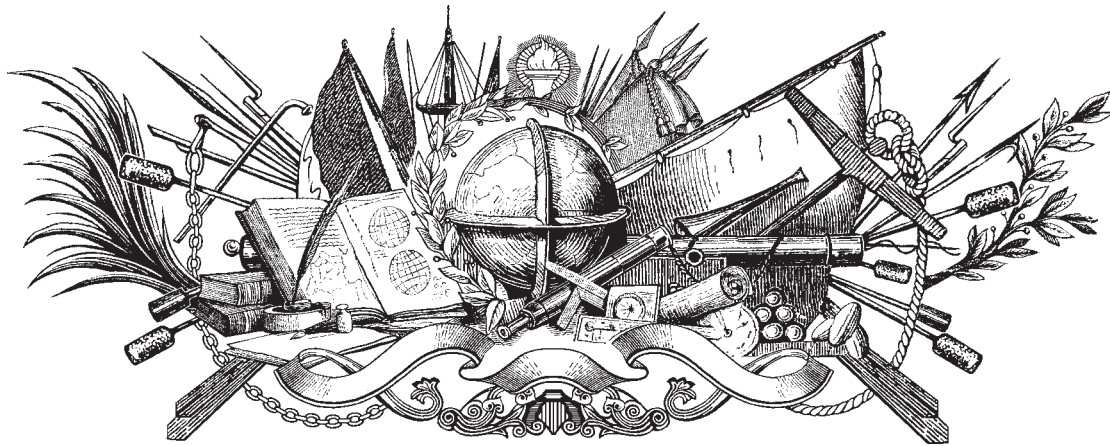
Бурная история России на каждом переломном этапе порождала великих государственных деятелей — мыслителей, идеологов, преобразователей. При этом на отечественной политической авансцене крайне редки персоны, которых можно назвать идеальными исполнителями, способными воплотить в жизнь грандиозные предназначения. К таким личностям, без сомнения, относится военный министр Российской империи граф Алексей Андреевич Аракчеев (1769—1834), чьим геральдическим девизом было «Без лести предан». Уже при жизни Аракчеев стал легендой. Иностранцы видели в нем верховного визиря империи, а по мнению соотечественников, Аракчеев был практически вице-императором. И в годы могущества, и после смерти Аракчеев вызывал страх и неприязнь равно и у «либералов», и у «консерваторов». Ибо он всегда стоял особняком и был истинным символом самодержавия. Основу настоящего издания составляет архивный материал: переписка Аракчеева, охватывающая период с 1796 по 1833 годы: 489 писем — это самая обширная на сегодняшний день подборка, и публикация исторических документов. Предваряет книгу психологический портрет «железного графа», созданный доктором медицины, профессором В. Ф. Чижом. В приложении приводятся многочисленные воспоминания современников, чьи имена на слуху у всех любителей отечественной истории.

Как и все книги подарочной серии «Российская императорская библиотека» это издание богато иллюстрировано: в нем представлены художественные, документальные и архивные изображения, многие из которых ныне являются малодоступными или вовсе безвозвратно утрачены.

УДК 947.06
ББК 63.3(2)471

ISBN 978-5-699-85911-5

© Состав, текст, дизайн, макет, художественное оформление. «Артнет Медиа», 2015
© ООО «Издательство «Э», 2016



ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В столице он — капрал, в Чугуеве — Нерон:
Кинжала Зандова везде достоин он.

А. С. Пушкин

Пушкин, как и многие другие, писал на Аракчеева злые эпиграммы. Говорят, что одна из них даже стала причиной южной ссылки поэта. Однако в апреле 1834 года в письме жене поэт посетовал: «Аракчеев умер. Об этом во всей России жалею я один — не удалось мне с ним свидеться и наговориться».

Что правда, то правда — тогда о кончине Алексея Андреевича мало кто сожалел. Аракчеевщина... нет, даже так: а-р-р-р-акчеевщина — от этого жесткого слова буквально веет холодом и муштрой. «Высочка», «временщик» и другие негативные эпитеты на все буквы русского алфавита — критиков хватало всегда. И лишь немногим, как Пушкину, со временем было дано понять: Аракчеев — это цемент, долгие годы связывавший самодержцев Всероссийских Павла I и Александра I — и народ и страну, над которыми они царствовали...

Выходец из небогатой дворянской семьи Алексей Аракчеев вряд ли мог рассчитывать на то, что ему удастся пробиться на самые вершины власти. Да, он был усерден и трудолюбив, в годы учебы в артиллерийском кадетском корпусе являл успехи в науке, особенно в математике. Но не более того. Помочь ему мог только случай, и этот случай представился. Петр Иванович Мелиссино, первый в России генерал от артиллерии, благодаря покровительству которого юный Аракчеев и оказался в корпусе, порекомендовал способного молодого офицера графу Николаю Ивановичу Салтыкову. Виднейшему царедворцу, официальному воспитателю великих князей Александра и Константина Павловичей как раз нужен был преподаватель артиллерийской науки и фортификации.

Пунктуальный, исполнительный, знающий, сообразительный — Аракчеев сумел понравиться Салтыкову, а затем — и наследнику престола. И вскоре Аракчеев из учителя превратился в коменданта: великий князь доверил ему Гатчину — свое любимое загородное имение.

Быть приближенным императора Павла I — задача не из легких. Гнев мог с невероятной быстротой смениться милостью — а чаще наоборот. Причем предугадать предпосылки таких перемен было невозможно. Не минула чаша сия и Алексея Аракчеева. Когда Павел Петрович взшел на царский престол, на гатчинского коменданта пролился дождь наград, чинов и деревень с тысячами душ. Уже че-

рез два дня после воцарения Павла I полковник Аракчеев становится генерал-майором. В апреле следующего, 1797 года, ему пожаловано баронское достоинство. 18 марта 1798 года Аракчеев получает очередное звание — генерал-лейтенанта... и отставляется от службы. Через несколько месяцев император возвращает Аракчеева в столицу — и жалует графский титул, а уже в октябре того же года следует вторая отставка.

А затем Павел I скончался. Как известно, от «апоплексического удара». Табакеркой в голову. Аракчеев, будучи удаленным от двора, никакого отношения к заговору не имел. Но для него все складывалось как нельзя лучше. Он сумел понравиться Александру Павловичу, когда тот был еще цесаревичем. А теперь же... Теперь, по словам известного мемуариста Филиппа Вигеля, «в кроткое царствование Александра I такие люди казались невозможны — этот же сумел сделаться необходим и всемогущ». Война со Швецией, должность военного министра, Отечественная война 1812 года, военные поселения, де-факто самый влиятельный вельможа в империи после Александра I — это вехи биографии Алексея Аракчеева.

А что же «общественное мнение»? Оговоримся: в случае с Аракчевым это скорее мнение историков по отзывам отдельных современников — и мнение не всегда объективное. Что в итоге привело к тому, что фигура Аракчеева превратилась в образ из страшной сказки для взрослых. «Змей Горыныч, который живет на Литейной» — одно из прозвищ Алексея Андреевича. И, надо сказать, еще не самое злое. Были и другие: например, Людоед. Эти прозвища — следствие характера Аракчеева. Он действительно был необщителен, не искал дружбы, был строг, его боялись и перед ним трепетали.

Но попробуем сказать тоже самое другими словами. Общительность и радушность — качества, может быть, очень нужные для обычного человека, но совсем не обязательные для государственного деятеля.

Аракчеев — это муштра и фронт? А если сказать: «Порядок и дисциплина»? Это звучит лучше? Екатерининский век приучил вельмож и чиновников к вальяжности и благодушию. И тут приходит этот обласканный императором — конечно... временщик, и заставляет отчитываться, напрягаться, в общем, тяжело работать.

Аракчеев — придирчив? Да. Но тоже самое можно сказать и другими словами: он и сам был

сторонником порядка, и других приучал к нему. Аракчеев — великолепный администратор. Его организаторские способности проявились в ходе двух войн — Русско-шведской 1808—1809 гг. и Отечественной 1812 года.

Аракчеев был мелочен и не позволял другим жить? Да, не позволял. Надо сказать, XVIII век приучил чиновников всех рангов, что должности для того и созданы, чтобы они, чиновники, сладко и вкусно кормились. А «проклятый временщик» — о ужас! — люто ненавидел взяточничество. Нет, Алексей Андреевич конечно не был аскетом и бесребреником, но взяток не брал и другим не давал это делать. Уличенные им в мздоимстве чиновники изгонялись нещадно. Более того, если Аракчеев подозревал волокиту с целью вымогательства, кара настигала виновных и в этом случае.

Аракчеев нажил себе немало недругов? Это факт. Он расправлялся с неугодными? Бывало и такое. Но слово «порядочность» не было для Аракчеева пустым звуком, он никогда не использовал свой фавор у императоров, чтобы «зачистить поле» для себя одного. А ведь возможности у него такие были. Известен факт: Александр I настолько доверял Алексею Андреевичу, что, уезжая из столицы, оставлял ему подписанные, но не заполненные бланки императорских указов. Аракчеев имел все возможности использовать эти бланки в личных целях. Например, мог вписать туда фамилию недруга, чтобы расправиться с неугодным. Но ни один из этих бланков не был использован не по назначению...

Мы могли бы и дальше задавать вопросы и отвечать на них. Но на этом, пожалуй, и остановимся и в заключение отметим: цель этой книги не в том, чтобы обелить Алексея Андреевича Аракчеева, волшебным образом превратив его из «деспота» в «преисполненного доброты и величия» человека, а представить его различными гранями и мнениями.

Говоря об Аракчеве еще один властитель тогдашних дум, Петр Вяземский, однажды заметил: «Ясно и очевидно, что Аракчеев был не вполне тот, что мерещится нам в журнальных легендах, которые поются с такою охотою на удовольствие общественного суеверия». Так что цель этой книги — избавиться от суеверий и навязанных стереотипов, чтобы человек, немало сделавший для страны и ее народа, занял свое достойное и честное место в истории...

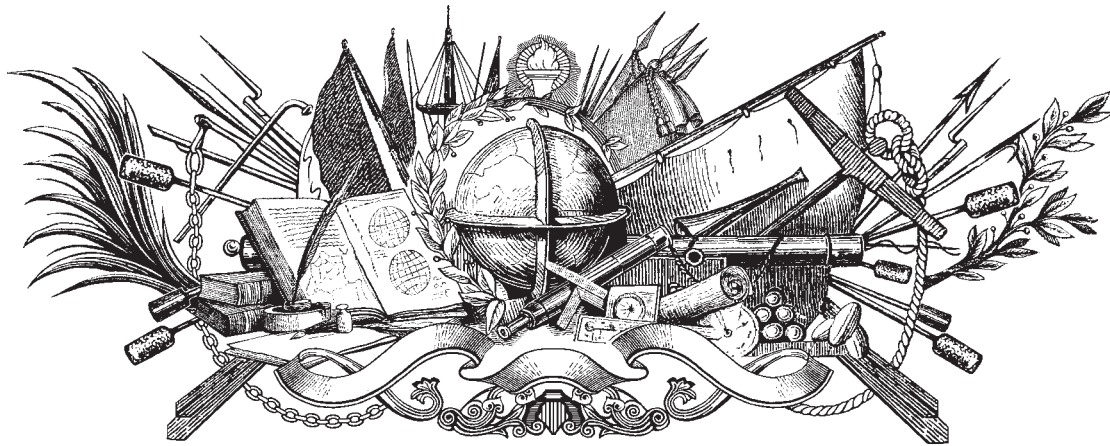


В. Ф. ЧИЖ

ГРАФ АРАКЧЕЕВ



Владимир Федорович Чиж (1855—1922) — известный российский психиатр, доктор медицины, профессор, писатель, автор биографий и ярких психологических портретов многих известных личностей. Его статья об Аракчееве впервые была опубликована в журнале «Вопросы философии и психологии». М., 1905. Кн. 76 (I), 77 (II); 1906. Кн. 82, 83; 1907. Кн. 88, 89, 90. Статья об Аракчееве первоначально имела в скобках подзаголовок «Психология злодея». В данной публикации редакция опускает этот подзаголовок, руководствуясь тем, что современный читатель в состоянии сам решить, каков был граф Аракчеев, и заранее вешать на него негативное клеймо вряд ли уместно.



Che dove l'argomento della mente
S'aggiunge al mal voler ed alla possa
Nessun riparo vi può far la gente.

Dante. Infern. XXXI'

Криминальная антропология дала нам немало сведений о психологии преступного человека; ничуть не разделяя всех увлечений этой школы, мы должны признать за ней немалую заслугу именно в том, что она расширила и сгруппировала в одно целое наши сведения о духовной жизни преступников. Эта школа довольно убедительно показала существенное различие между преступниками и грубо-безнравственными людьми — истинными злодеями. Эта школа объяснила нам, почему только часть вредных для общества людей, а именно преступники, гибнут в борьбе за существование, остальные спокойно пользуются благами общежития, а некоторые из них даже достигают высокого общественного положения.

Криминальная антропология обрисовала довольно подробно, хотя и с некоторыми промахами, только преступных людей; все же попытки объяснить нам психологию злодеев, не совершивших уголовного преступления, оказались совершенно неудачными; как велико было непонимание вопроса, можно судить по тому, что нашлись ученые, уверявшие, что Наполеон обладал преступной организацией.

Не задаваясь целью обрисовать психологию злодея, очертить этот тип, объяснить его происхождение, я хочу сделать первую попытку в изучении этой человеческой разновидности. Для этой цели я хочу воспользоваться методом, давшим столь блестящие результаты в медицине; а именно дать историю болезни одного очень типического больного или, говоря иначе, дать психологическую характеристику одного типического злодея — графа А. А. Аракчеева. Я остановился на этом историческом лице именно потому, что деятельность его нам хорошо известна; к моему удивлению, до сих пор нет полной биографии этого типического злодея непроступника, и потому моя работа, до известной степени, пополнит этот пробел в нашей литературе. Аракчеев, бесспорно, типический злодей-непроступник; аракчеевых в жизни много, и всякий внимательный наблюдатель встречал их немало.

«История болезни» Аракчеева для психолога особенно завлекательна потому, что Аракчеев вследствие отчасти случайных обстоятельств, отчасти особенностей исторической эпохи достиг исключительно высокого служебного положения и потому мог проявить вполне все свои душевные силы, мог совершить много зла, что делало его историческим лицом. Его злодеяния нам известны, если не все, то очень многие; нам известна почти вся его деятельность; наконец, нам известна его интимная жизнь; биография его фаворитки Минкиной достаточно подробна для понимания основных свойств Аракчеева. Было бы упущением не воспользоваться всем богатым материалом для методологической психологической характеристики Аракчеева. Задача психолога в данном случае является весьма простой: расположить весь материал так, как того требует современная психология; психолог должен воспользоваться разбросанным в исторических трудах и журналах материалом, для того чтобы обрисовать все главные признаки, все главные особенности психической



*Н. И. Уткин. Портрет Алексея Андреевича Аракчеева.
Гравюра 1818 г. с пастельного портрета И. Ф. Вагнера*

организации Аракчеева. Само собою разумеется, что методологическое изображение исторического деятеля преследует другие цели, чем характеристика историка-художника.

Имеющийся в литературе материал вполне достаточен, чтобы очертить весь склад, весь психологический образ Аракчеева; нам известна его биография, известна его умственная деятельность, известны его чувствования, его основная страсть, известна его привязанность, известно, в чем и как проявлялась его воля.

Уяснив психологию Аракчеева, нам будет понятнее духовный облик многих, конечно, не всех злодеев, мы лучше поймем аракчеевых, которые причиняют и, я думаю, всегда будут приносить много вреда обществу.

Крупная историческая роль, выпавшая на долю Аракчеева, свидетельствует, как велико значение аракчеевых, какого внимательного изучения заслуживает этот тип. Понимание хотя бы одной разновидности человека-злодея подвинет нас в изучении вредных для общежития типов злодеев-непреступников.

Психологическая характеристика Аракчеева имеет значение для устранения недоразумения, вытекающего из одностороннего понимания Ницше. Восхваление жестокости этим философом дает основание, по крайней мере для некоторых, думать, что жестокость является проявлением или признаком силы. Действительно, Ницше требовал твердости и даже жестокости, но, конечно, не для достижения личного благо-



получия. Психологическая характеристика Аракчеева весьма наглядно объясняет нам, что «раб» жесток при достижении личного благополучия; жестокость «раба» не делает его сильным, потому что трусливый и лживый «раб» не имеет права быть жестоким, так как человеконенавистничество, а не стремление к высшим целям — причина его жестокости. Аракчеева никто не может считать сильным, но по своей жестокости он выделялся между современниками. Иван Грозный по своей жестокости, принимая во внимание, конечно, эпоху, не уступал Аракчееву и даже превосходил его, но, бесспорно, Грозный-царь был сильный человек, а Аракчеев — жалкий раб. Прямо к Аракчееву относятся слова Ницше: «В умном, бессовестном негодяе и преступнике мы порицаем его эгоизм не как таковой... но за то, что он направлен на низкие цели и ими ограничивается». Изучение психического склада Аракчеева с полной убедительностью доказывает нам, что злобность и вытекающая из нее жестокость есть удел «раба», нравственного уродца. Ницше учил, что жестокими имеют право быть только сильные люди, созданные для власти; жестокий «раб» — это нравственный урод. Аракчеев был типичный жестокий «раб», а потому человек очень вредный, заслуживающий презрения и за свою жестокость, и за свою рабскую душу; он заслуживает презрения моралиста, разделяющего взгляды Ницше; он возбуждал ненависть и презрение своих современников, потому что был весьма жесток, крайне тщеславен, лжив и труслив — одним словом, он был выдающимся злодеем.

Благодаря Ницше нам понятно, насколько не правы были адепты криминальной антропологии, считавшие Наполеона преступником; нам понятно, насколько были не правы многие ученые, считавшие Ивана Грозного злодеем; благодаря Ницше мы можем правильно оценить рабскую душу Аракчеева, установить существенное различие между злодеем и сильными, жестокими людьми; и Аракчеев, и Петр Великий были жестоки, но этим сходство между ними и исчерпывается. Аракчевы, безусловно, вредные люди, так же как и преступники; многие жестокие, сильные люди были самыми полезными, самыми лучшими слугами своего народа.

Вот основание, почему я почел полезным с достаточной подробностью изучить психологию Аракчеева и с особенным вниманием остановиться на тех особенностях его душевной организации, которые нам объясняют сущность ара-

кеевского типа. Изучение духовной организации Аракчеева поучительно и для психолога, и для моралиста. Мне казалось, что психологическая характеристика Аракчеева дает столь ясные выводы, что не представляется надобности в объяснениях; психологическая характеристика Аракчеева выясняет нам тип злодея-непреступника и тип «раба», в смысле учения Ницше.

I

Отец Аракчеева служил в Преображенском полку; после манифеста 1762 г. вышел в отставку в чине поручика, занимался сельским хозяйством; точных сведений о его характере не имеется, что дает основание предполагать, что он ничем не выделялся из среднего уровня. Умер он в 1796 г.

Мать Аракчеева была очень аккуратна, экономна, деятельна и тщеславна; она любила общество, любила почет. Когда ее сын был всемогущим вельможей, она просила его о покровительстве своим знакомым; жители г. Бежецка просили старуху защитить их от постоя, и она писала сыну: «Пощади, батюшка, и умиласердись к ним».

У Аракчеева было два брата, Петр и Андрей; последний умер в молодых годах. Маевский² так отзывается о Петре Аракчеве: «Г. Аракчеев был человек вечно пьяный и страдал сильною падучею болезнью». Отто³ сообщает, что Петр Аракчеев имел пристрастие к духам и помаде и, бывая в гостях у брата в Грузии, без церемонии опустошал запас розовой воды, находившейся в тамошней госпитальной аптеке. Когда Петр Аракчеев узнал, что граф не оставил ему наследства, он был очень огорчен. «Это обстоятельство, — говорит Отто, — так сильно подействовало на него, что, по рассказам, расстроило его рассудок. Петр Андреевич провел последние годы жизни в печальном положении». Таким образом, сказанное Маевским подтверждается сведениями, собранными Отто. Можно допустить, что Маевский из ненависти к графу Аракчеву отозвался уж очень резко насчет пьянства Петра Аракчеева, но совершенно нельзя допустить, чтобы он так категорически говорил о падучей болезни, не имея точных сведений.

Злобный, замкнутый характер графа Аракчеева дает некоторое право предполагать о чем-то патологическом в его семье; весьма правдоподобно, что один брат был эпилептик и алкоголик, а другой был наделен злобностью и человеконенавистничеством. Графиня Эдлинг⁴ в своих записках



Сергей Иванович Маевский
(1779—1848)

сказала про Аракчеева: «Une extrême méchanceté est toujours accompagnée d'un grain folie»⁵. Она до известной степени права; сам Аракчеев был человек здоровый, но все же он происходил из семьи, в которой была «крупница безумия». Допускать скрытую эпилепсию у графа Аракчеева мы не имеем права, но нельзя отрицать, что в его характере было много весьма характерного для эпилептиков; как мы видим, в его семье была эпилепсия.

К сожалению, мы не обладаем хорошими портретами Аракчеева, на основании же имеющихся невозможно с полной точностью сказать что-либо определенное о физических признаках вырождения Аракчеева. На всех его портретах обращают на себя внимание большие оттопыренные уши с приросшими мочками; надбровные дуги сильно развиты, глазные орбиты велики, подбородок узок; но все это недостаточно выражено, чтобы считать доказательством вырождения.

Можно считать аномалией или признаком вырождения бесплодность Аракчеева; едва ли ее можно объяснить половой болезнью, перенесенной в молодости; если бы такая болезнь оставила прочные следы, ею бы страдали сожительницы Аракчеева; Пукалова⁶ и Минкина,

как то хорошо известно, пользовались цветущим здоровьем. Нельзя отрицать, что половая болезнь, вызвав бесплодность Аракчеева, исчезла, и потому сожительницы Аракчеева сохранили свое здоровье. Наконец, необходимо обратить внимание, что Аракчеев умер на шестьдесят пятом году и не страдал вторичными явлениями половой болезни. Поэтому с большой вероятностью можно думать, что Аракчеев был бесплоден, и эту его особенность считать физическим признаком вырождения.

Таким образом, психиатр с большой осторожностью может присоединиться к мнению графини Эдлинг; я бы сказал, что патологическое в натуре Аракчеева более чем вероятно, но точно не доказано. Брат-эпилептик, бесплодность, большие уши с приросшими мочками — это дает право допустить, но не утверждает в Аракчееве «крупницу безумия».

Отто на основании документов доказал, что Аракчеевы были люди не бедные — у них было до 400 душ, следовательно, хорошее состояние. Аракчеев всем рассказывал, что он из бедной семьи; цель этой лжи очень ясна. Нужно сказать, что она ему удалась настолько, что этой лжи верит автор биографии Аракчеева в энциклопедическом словаре Брокгауза — Ефрона (Т. II. С. 7—10). Аракчеев любил рассказывать, что, когда отец привез его в Петербург, для того чтобы поместить в корпус, они бедствовали так, что просили подаяние у митрополита и Гурьева⁷; если Аракчеев и не сочинил этот рассказ, то просьба о подаянии еще не доказывает бедности; кто же не знает попрошайек, обладающих порядочными средствами.

Аракчеева дома учили мало; в корпусе он учился четыре года; биограф Аракчеева в энциклопедическом словаре Брокгауза — Ефрона говорит, что в корпусе «быстрые успехи в науках, и особенно в математике, доставили ему вскоре звание офицера», а биограф Аракчеева в военно-энциклопедическом лексиконе отмечает: «Он особенно отличался успехами в военно-математических науках, а к наукам словесным не имел особой склонности». Ратч⁸ по поводу этого сообщения пишет: «Не имея данных к проверке относительно занятий Аракчеева в корпусе, вслед за ними скажем... Несмотря на недавность времени, напечатанные жизнеописания графа Аракчеева не отличаются верностью даже и фактов; встречаются в них вымыслы и прикрасы»; Ратч не совсем, значит, доверяется быстрым успехам Аракчеева. Ратч основательно сомневается в бы-



стрых успехах и знаниях Аракчеева и приводит доказательства (с. 91) его полного невежества в артиллерии⁹.

Аракчеев в корпусе не выучился даже писать грамотно; его безграмотность поистине поразительна; кадет, даже не научившийся писать маломальски грамотно, не мог выказывать быстрых успехов. Конечно, я знаю, что можно обладать громадными познаниями и писать безграмотно, но всякий школьник, если только он может учиться, выучивается прежде всего грамотности. Поразительная безграмотность Аракчеева, невежество его в артиллерии доказывают, что он был не способен к усвоению знаний, учился мало и дурно. Поклонники его могли говорить, что он «отличался в военно-математических науках», потому что, занимая высокое положение, он мог скрывать свое полное невежество и в военных, и в математических науках, безграмотность свою, однако, скрыть не мог. Арифметику, конечно первые ее правила, в корпусе он выучил.

В течение всей своей жизни он обнаруживал свое невежество; он никогда не понимал знания, не прочел во всю жизнь ни одной дельной книги. Во всех его письмах, нам известных, его безграмотность совершенно одинакова; как человек умный и тщеславный, Аракчеев, конечно, знал, что его безграмотность все же ставится ему в упрек, он не мог хотя сколько-нибудь уменьшить число ошибок в своих письмах. Лицо, настолько не способное учиться, конечно, не могло отличаться в военных и математических науках, но, к сожалению, всегда находятся люди, желающие сказать что-либо похвальное про сильных мира сего, даже и о покойниках.

Невежество Аракчеева «в военно-математических» науках ясно сказалось в его полном непонимании службы офицеров генерального штаба, и он никогда не научился понимать съемку местности. Даже защитники Аракчеева, например артиллерист Эйлер, не могут указать хотя бы на одно дельное распоряжение по технической части артиллерии, и этой стороной дела Аракчеев за время заведования своего нашей артиллерией решительно не занимался, что, конечно, свидетельствует о его уме. Он все свое внимание сосредоточил на табелях, ведомостях, отчетностях.

Конечно, несовершенство корпуса, в котором учился Аракчеев, неповинно в его невежестве; из того же корпуса, руководимого генералом Мелиссино, вышли наши лучшие артиллеристы, хорошо применявшие приобретенные знания.

Очень рано проявились основные свойства характера Аракчеева — исполнительность, неустойчивость и жестокость. Когда он был в старших классах корпуса, ему поручили наблюдение над товарищами, что он исполнял с нестерпимым зверством; наставники были довольны таким деятельным исполнителем, чем, по всей вероятности, и объясняются «отличные успехи» Аракчеева. Известно, как кадеты неохотно наблюдают за товарищами, как в кадетских корпусах силен дух товарищества; поэтому для начальства корпуса Аракчеев был просто клад.

Также рано Аракчеев доказал свое трудолюбие и настойчивость; чтобы заработать деньги, а может быть, чтобы заручиться протекцией, он искал частные уроки; директор корпуса Мелиссино рекомендовал Аракчеева графу Н. И. Салтыкову. Мертваго¹⁰, хорошо знавший Аракчеева, говорит про него, «что имеет он ум нравиться тому, кому служит».



Судя по воспитанию и ходу фортуны графа Аракчеева, следует заключить, что имеет он ум нравиться тому, кому служит. И имел бы довольно хорошие способности к службе, даже на высших степенях, если бы ход его был медлительнее, следовательно, научась опытами, узнал бы он, как управлять людьми, коих палкою бить не должно и не можно [...] Неумеренное честолюбие и необдуманная ложная гордость не допускали его научиться истине тогда, когда он учителем был поставлен. Главнейшая же беда в том, что он познал науку правительствовать от бывшего Наследника ожесточенного, и всю силу свою и достоинство власти основывавшего единственно на чистом самовластии.

Из воспоминаний Д. Б. Мертваго. 1857 г.



Действительно, Аракчеев даже в годы юности умел нравиться сильным мира сего, знал людей; он понравился графу Салтыкову настолько, что, по его просьбе, Мелиссино сделал 22-летнего грубого, невежественного Аракчеева своим адъютантом. Мелиссино держал Аракчеева в черном теле, но молодой офицер, так блистательно начавший свою карьеру, предусмотрительно подготавливал себе блестящую будущность. Аракчеев уже тогда понимал, что будущее принадлежит гатчинцам, что его способности могут найти должную оценку только в Гатчине. В Гатчине была пушка; в ней сделалась раковина; для починки этой раковины начальник артиллерии Мелиссино



Дмитрий Александрович Гурьев
(1751—1825)

прислал мастера с адъютантом своим — Аракчеевым. Котлубицкий¹¹, рассказы которого дышат правдивостью и искренностью, говорит так: «В разговоре с наследником Аракчееву удалось намекнуть, не угодно ли ему в Гатчине завести артиллерийскую батарею. Павлу это понравилось; он попросил у Екатерины двух артиллерийских офицеров». Так как охотников служить в Гатчине было мало, то Аракчеев легко добился того, чего желал; в 1792 г. он был назначен в Гатчину. Здесь он оказался на своем месте и скоро заслужил полное благоволение наследника. Аракчеев даже среди гатчинцев выделялся исполнительностью и жестокостью; его неутомимость и деятельность сделали его любимцем наследника. Аракчеев целыми днями учил солдат, проверял караулы, ночи проводил в кресле, одетый по форме, чтобы явиться немедленно по первому зову. За четыре года службы он приобрел такое доверие Павла Петровича, что в день восшествия на престол тот призвал великого князя Александра Павловича и после лестного отзыва об Аракчееве, сложив их руки, сказал: «Будьте друзьями и помогайте мне». Аракчеев приобрел за время своей службы в Гатчине полную любовь и абсолютное доверие Александра Павловича.

Император Павел I по воцарении (1796) тотчас же назначил Аракчеева комендантом Петербурга и в Преображенский полк; ему же было поручено заведование квартирмейстерской частью; квартира была ему отведена в Зимнем дворце. 12 декабря 1796 г. пожалована Аракчееву Грузинская вотчина в 2000 душ, в следующем году — Александровская звезда и баронское достоинство; в 1799 г. Аракчеев пожалован графом Российской империи. За время царствования Павла Первого Аракчеев подвергался два раза опале: первый раз, 18 марта 1798 г., был уволен без прошения в чистую отставку. Весьма вероятно, что государь был недоволен жестокостью Аракчеева в Преображенском полку и квартирмейстерской части. 11 августа Аракчеев был «принят паки в службу с отданием старшинства и определением в свиту его величества». Он был назначен командиром гвардии артиллерийского батальона и инспектором всей артиллерии; это сравнительно скромное назначение свидетельствует, что Аракчеев уже не пользовался полным доверием государя. 10 октября 1799 г. Аракчеев вторично подвергся опале. Незадолго до своей кончины император Павел послал за графом Аракчеевым и генералом Линденером. Вечером 11 марта Аракчеев подъехал к Петербургской заставе, но был задержан при въезде в столицу по приказанию Палена¹².

Это обстоятельство дало право Аракчееву написать на памятнике императору Павлу, воздвигнутом графом в Грузине: «Сердце чисто и дух прав перед тобою», а императрице Марии Федоровне писать: «Кто чист душою и помышлением моему единственному отцу и благодетелю, также вечно будет предан и всеавгустейшему его семейству».

Очевидно, что до воцарения императора Александра Павловича Аракчеев приобрел резко определенную репутацию. Император Павел хотя и не любил Аракчеева, вызвал его в минуту опасности; двукратная опала Аракчеева, устранение его даже в периоды его близости к императору от государственной деятельности дают право думать, что грубый, злой Аракчеев не был симпатичен государю, не лишенному благородных порывов. Аракчеева считали, и конечно, с полным на то правом, настолько опасным, что Пален не позабыл задержать его на заставе Петербурга.

Таким образом, сама судьба подготовила ему весьма определенную роль в следующем царствовании, сделала его необходимым. Конечно, можно придавать значение случаю; ведь Аракчеев мог появиться в Петербурге 10 марта и тогда,



по всей вероятности, вместо одних событий произошли бы другие. Но именно судьба Аракчеева указывает, какую небольшую роль играет случай в истории: Аракчеев наделал бы много зла, если бы он приехал в Петербург ранее 11 марта, но он ведь причинил много зла и опоздав в Петербург; трудно определить, при каких обстоятельствах он наделал бы зла больше.

Репутация Аракчеева была так ужасна, ненависть к нему — так велика, что «в дни Александровы прекрасное начало» он должен был оставаться в Грузии; хотя его необходимость была очевидна, но его сотрудничество настолько бы компрометировало, что вызвать его из Грузии казалось рискованным. Он был вызван в Петербург только 27 апреля 1803 г., когда положение нового



*Соломон Карделли. Самодержец и император Всероссийский Российский Павел I.
1797 г.*